

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.32516/2303-9922.2024.52.5

Российская политика христианизации «иноверцев» как механизм аккультурации и интеграции (на примере коренных малочисленных народов Европейского Севера в XIV—XIX вв.)

Денис Павлович Беляев

Российский биотехнологический университет, Москва, Россия, vector1979@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8915-4037>

Аннотация. В статье рассмотрен процесс христианизации коренных малочисленных народов Европейского Севера. Проанализированы общие и отличительные черты этого процесса для различных народов, выявлены характерные для центральной власти направления в области распространения православия в зависимости от конкретного периода времени. Отмечено, что термин «христианизация» в отношении коренных малочисленных народов Севера не означает полноценное понимание определенным народом всех догм христианства, а скорее предполагает определение большей его частью себя как христиан. Выделены особенности влияния христианизации на рассматриваемые народы, в том числе в контексте их включения в состав единого российского государства, в рамках процессов интеграции и аккультурации.

Ключевые слова: история освоения, Российская империя, Синод, церковь, Русский Север, миссионеры.

Для цитирования: Беляев Д. П. Российская политика христианизации «иноверцев» как механизм аккультурации и интеграции (на примере коренных малочисленных народов Европейского Севера в XIV—XIX вв.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 4 (52). С. 68—80. URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/52/5_52_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.52.5.

Original article

Russian policy of Christianization of “non-Believers” as a mechanism of acculturation and integration (on the example of the indigenous small peoples of the European North in the XIV—XIX centuries)

Denis P. Belyaev

Russian Biotechnological University, Moscow, Russia, vector1979@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8915-4037>

Abstract. The article considers the process of Christianization of small indigenous peoples of the European North. The general and distinctive features of this process for different peoples are analyzed, the directions characteristic of the central government in the field of spreading Orthodoxy depending on the specific period of time are revealed. It is noted that the term “Christianization” in relation to the small indigenous peoples of the North does not imply full understanding of all the dogmas of Christianity by a certain people, but rather self-identification of the majority of them as Christians. The peculiarities of the influence of Christianization on the peoples under consideration are highlighted, including the issue of their inclusion in the unified Russian Empire throughout integration and acculturation processes.

Keywords: history of development, Russian Empire, Synod, church, Russian North, missionaries.

For citation: Belyaev D. P. Russian Policy of Christianization of “non-Believers” as a mechanism of acculturation and integration (on the example of the indigenous small peoples of the European North in the XIV—XIX centuries). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 4 (52), pp. 68—80. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.52.5>.

© Беляев Д. П., 2024

Введение

По образному выражению В. О. Ключевского, «история России — это история страны, которая колонизируется» [8, с. 50]. При этом сложно не согласиться с тезисом о том, что Российская империя в своем расширении имела совсем иные цели, нежели европейские государства в ходе создания колониальных империй. Москва не столько преследовала экономические интересы или желала обратить местное население в православие, сколько стремилась обеспечить безопасность собственных границ и добивалась сотрудничества с местным населением по причине историко-географической и историко-культурной близости с большинством народов, в том числе с коренными народами Европейского Севера [16, с. 34]. Однако христианизация народов все же осуществлялась в рамках аккультурации и интеграции.

В данной статье под аккультурацией понимается процесс взаимного влияния и изменения культур при взаимодействии нескольких народов. Ключевым отличием от ассимиляции является не только сохранение самобытности, но и взаимное влияние народов друг на друга.

Представляется, что российская политика христианизации в полной мере укладывается в процесс аккультурации, а не ассимиляции. Не происходит характерного для процесса ассимиляции формирования доминантной культуры. При этом имеются значительные заимствования в религиозной сфере одним народом у другого, но не в полной мере, а с наложением на собственные верования, систему ценностей и т.д., о чем и будет рассказано в статье. Подробное изучение феномена аккультурации представлено в работах С. В. Любичанковского [14; 15].

Здесь же логичнее остановиться на историографии исследований, посвященных христианизации малочисленных народов Европейского Севера. Достаточно подробный обзор историографии, посвященной национальной и конфессиональной политике Российской империи, представлен в работе О. Б. Леонтьевой [12]. Однако автор акцентирует внимание преимущественно на исследованиях, касающихся истории Поволжья и Приуралья.

Прежде всего выделим работы, посвященные христианизации отдельных народов. Так, вопросы христианизации саамов отражены в статье Е. С. Котловой [10], которая отмечала, что многочисленные верования и культурные особенности этого народа сохранялись и в XIX в. Первоначально по причине значительной отдаленности территории расселения народа, а затем из-за снижения влияния православной церкви на регион государство стремилось брать местные вотчины под собственный контроль, а не предоставлять землю церкви.

В статье П. Ф. Лимерова [13] рассматриваются различные факторы, оказавшие влияние на формирование религии и верований у народа коми. Особенности восприятия процесса христианизации коми самим этим народом рассматриваются в статье О. В. Ведерниковой [4]. Автор сосредотачивает свое внимание на фольклоре как ключевом источнике, который позволяет понять, как воспринималась христианизация народом. По мнению О. В. Ведерниковой, основы культуры большинства коренных народов Европейского Севера сформировались еще до начала христианизации. Они базировались на специфическом языке, особенностях хозяйственной и общественной организации, культуре и религии, основанной на тотемизме, анимизме, уникальной мифологии [4, с. 37]. Но по мере распространения христианизации эти особенности становились не такими заметными.

В ряде исследований политика христианизации рассматривается с несколько необычного ракурса или с акцентом на определенных ее составляющих. Например, в работе А. Ю. Бендина [3] предпринята попытка оценить христианизацию через призму

деления народов на «своих» и «чужих». Автор рассматривает многочисленные примеры, указывающие как на религиозную терпимость подданных Российской империи, так и на важность принадлежности к православной конфессии.

Т. А. Кильдяшова с соавторами останавливаются на формировании веротерпимости при миссионерской и просветительской деятельности на Европейском Севере [7]. Авторы приводят примеры как явной веротерпимости при христианизации, так и «насильственного» насаждения новой веры. Но ключевой вывод исследователей сводится к тому, что на бытовом уровне между различными народами Европейского Севера и русскими в большей степени сформировалась атмосфера веротерпимости.

В статье И. Ю. Антонова [1] рассматривается проблема сохранения ряда традиционных обрядов у ненцев, например «обряда очищения».

Несколько характерных этапов христианизации народов Европейской России выделяет Ю. В. Семенов: сначала в связи с бытовым взаимодействием с русскими, а уже затем в рамках целенаправленной политики христианизации [24]. Косвенно ряд важных статистических выкладок, связанных с процессом христианизации и положением инородцев в Российской империи, представлен в монографиях Б. Н. Миронова [16; 17].

Из работ, посвященных истории освоения Европейского Севера и движущим силам этого процесса в указанный период, в том числе сквозь призму христианизации, отметим труды Е. А. Ореховой [18] и Д. С. Заозерского [6].

Целью нашего исследования является комплексный обзор процесса христианизации коренных народов Севера. Автор ставит перед собой задачи выделить не только причины и особенности, но и движущие силы этого процесса.

Территориальные рамки исследования определены границами Европейского Севера России (Мурманская, Архангельская, Вологодская области, республики Карелия, Коми), где в настоящее время проживают саамы, ненцы, карелы, коми.

Хронологические рамки работы охватывают период с конца XIV в. по вторую половину XIX в. Именно на рубеже XIV—XV вв. православные миссионеры приступили к христианизации коренных народов Севера, а завершение этого процесса приходится на XIX столетие.

В работе использовались в том числе ранее неопубликованные источники, хранящиеся в фонде 796 (Канцелярия Синода) Российского государственного исторического архива.

Методологическую основу исследования составили общепринятые в исторической науке методы. Историко-генетический метод позволил проследить изменение политики российских властей в отношении христианизации коренных народов Севера. Использование историко-сравнительного метода помогло выявить общие и отличительные черты этого процесса для изучаемых народов.

Результаты исследования

Административная власть над Европейским Севером была установлена русским государством в XIV в. Именно с этого момента начинает проводиться политика христианизации коренных народов Севера, проживающих на этой территории. Христианизация становится ключевым инструментом окончательной интеграции новых народов в состав государства. Она способствует сглаживанию социокультурных различий, формированию общей мировоззренческой картины.

Начало распространению христианства у народа коми было положено Стефаном Пермским еще в конце XIV в. [4, с. 38]. Однако этот процесс, который включал перевод православных книг, миссионерскую деятельность, строительство церквей, подготовку

священнослужителей из местного населения и пр., осложнялся расселением коми на значительной и плохо освоенной, в том числе лесистой, территории.

Как отмечается в фольклоре коми, местное население сначала не принимало христианской веры: селилось в более отдаленных районах, пряталось от русских миссионеров, перегораживало дороги, реки на пути русских и т.д. [20, с. 86]. Оно продолжало почитать собственных богов. Хотя в фольклоре даже в XIX в. народ коми отделяется от населения прошлого, последнее чаще обозначается обобщающим названием «чудь».

В фольклоре и Стефан Пермский, и чудь наделяются сверхъестественными силами. Например, упоминается, что они состязались в магических способностях: «...заговору туна противопоставляется более сильное заклинание Стефана Пермского» [4, с. 40]. Стефан Пермский в фольклоре ставится в один ряд с местными тунами-магами, но наделяется большими силами, как и христианская атрибутика, прежде всего крест. Содержатся в фольклоре и отголоски того, что христианизация имела порой насильственный характер: сопротивление со стороны местного населения вызывало ответные действия со стороны русских.

Начало христианизации саамов датируется концом XV в., когда по инициативе новгородского архиепископа Геннадия в Колу был направлен иеромонах Илья, занявшийся крещением кольских лопарей.

Особое значение в истории христианизации саамов придается деятельности Соловецкого монастыря, преподобных Феодорита и Трифона (XVI в.). Монастырь притягивает часть саамов, которые сами просят о крещении, а также проповедует христианство на ближайших территориях. Но лишь только часть саамов обращается в христианство.

В XVII—XVIII вв. процесс христианизации замедлился, в том числе на северо-западном направлении. К тому же в XVII в. правительство было занято другими вопросами как внешнеэкономического, так и внутривластного характера, а внимание церкви было сосредоточено на христианизации народов Поволжья и Урала, а не Европейского Севера. Нередко в ходе нападения иностранцев, прежде всего шведов, на Русском Севере разрушались монастыри и церкви. Так, например, в 1589—1590 гг. были разорены Трифоно-Печенгский и Кандалакшский монастыри. В конце XVII в. ситуация в некоторой степени стабилизировалась, церковь получила на Кольском полуострове новые земли от русских царей. Но она и сама захватывала земли саамов, в результате чего стали поступать «жалобы от саамов на самоуправство Печенгского монастыря в их землях» [10, с. 30].

Как следует из «Жития Преподобного Отца Трифона Печенгского Чудотворца», в ходе своей деятельности православные миссионеры продолжали сталкиваться с противодействием и силой языческой традиции. Часть населения вновь удалось обратить в православную веру, построить несколько новых церквей [26], но наиболее отдаленные регионы были в меньшей степени подвержены христианизации.

Считается, что к началу XIX столетия большая часть саамов уже была христианизирована, поэтому с XIX в. начинается новый период, связанный прежде всего с действиями церковноприходских школ на саамских территориях, с поддержанием православной культуры, ее укреплением среди молодого поколения [10, с. 29].

Важный вывод из этой периодизации заключается в том, что первые упоминания о христианизации связываются с какой-то конкретной исторической фигурой. Одна из возможных причин — крайне малая заинтересованность русских правителей в христианизации северных народов. Территории осваивались преимущественно ради хозяйственных нужд, экономической выгоды. Лишь с распространением влияния церкви, ее слиянием с государством стала проводиться более централизованная политика по христианизации.

Именно в XVI в. церковь «становится единым инструментом интеграции “иностранческих” территорий в Российское государство» [10, с. 29].

Что касается христианизации карел, то она прошла в 1227 г. и, по имеющимся в летописях сообщениям, без сопротивления местного населения, за короткий промежуток времени. Потенциальная причина — длительное проживание вблизи и регулярные контакты с христианскими народами — шведами и русскими. Уже к середине XV в. карелы носили преимущественно славянские имена, хотя и сохранили свою культуру.

Таким образом, в изучаемый период на Европейском Севере нехристианизированным народом практически оставались только ненцы в Архангельской губернии.

Судя по архивным документам, эта проблема обрела актуальность еще в конце XVIII в. В фондах Российского государственного исторического архива хранится донесение архиепископа Архангелогородского и Холмогорского Вениамина в Святейший Правительствующий Синод, в котором прямо сообщается, что в 1781 г. в губернии еще есть самоеды, которых необходимо обратить «из идолопоклонничества в христианскую веру» [21, л. 1].

Согласно донесению, в губернии проживало 683 самоеда [21, л. 2], часть из которых по-прежнему поклонялась идолам. Главную причину видели в том, что многие ненцы зимой и летом жили в тундре, а в Пустозерск приезжали лишь для уплаты ясака. Кроме того, не все ненцы «уразумели» русский язык, а священников, знающих ненецкий язык, в епархии было мало [21, л. 4].

Одним из способов решения проблемы местные церковные власти считали командирование в тундру особого «самоедского» священника, который бы кочевал вместе с саамами и обращал их в православную веру. Анализ архивных документов показал, что данное решение не было реализовано, поскольку чиновники столкнулись с нехваткой священнослужителей, знающих местные языки. Тогда было рекомендовано обращать в духовный сан представителей купеческого или крестьянского сословий, способных изъясняться с ненцами. При таких миссионерах должны были быть молодые послушники, которые по мере овладения языком могли бы потом в перспективе занять их место [21, л. 4]. Поскольку «самоедский» священник являлся заштатным, то в качестве вознаграждения предполагалось выплачивать ему «за каждого самоеда, которого кто окрестит... по одному рублю» [21, л. 4]. Судя по сохранившемуся в архивном деле ответу Святейшего Синода архиепископу, данная инициатива получила всестороннюю поддержку [21, л. 7].

Дальнейшее развитие этот вопрос получил спустя почти полвека. В мае 1824 г. с инициативой послать в Мезенскую тундру православную миссию выступил бывший министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын. Он обратился в Священный Синод с просьбой отправить к ненцам миссионеров, которые бы обратили их в православную веру [22, л. 1]. Инициатива нашла поддержку у Синода уже в июне 1824 г. и была утверждена 18 августа 1824 г. соответствующим указом императора Александра I [22, л. 21]. На организацию миссии выделили 14 200 руб., из которых:

«...2. На устройство двух подвижных церквей и заведение утвари, ризницы, книг и всего потребного отпустить из Казны экстраординарную сумму на 1824 год... 10.000 руб.

3. На содержание священникам с причетниками и на заведение и содержание оленей для отъездов их в кочевья к самоедам производить из Казны ежегодно получаемую Архангельским Епископом сумму, всего — 4.200 руб.» [22, л. 20].

В состав миссии были включены: архимандрит Антониево-Сийского монастыря Вениамин, священник Федор Истомина, дьяки Яков Истомина и Яков Терентьев, переводчик Степан Апицын (новокрещеный самоед), а также титулярный советник Алексей Федоров в качестве чиновника Духовной миссии по разным поручениям, знающий обычаи и

образ жизни ненцев [22, л. 32]. Для успешного выполнения миссии были утверждены рекомендации по скорейшему обращению ненцев в православную веру, среди которых были не только пожелание начать процесс христианизации с верхушки (старшин и богачей) ненцев, но и обучение грамоте всех желающих, особенно детей [22, л. 3].

Результатом работы этой миссии стало то, что за 1825—1826 гг. в православную веру было обращено: по Канинскому берегу — 454, по Тиманскому берегу — 324, по Большеземельской тундре — 977 душ; в 1827 г. — 984 человека. Итого — 2739 человек [22, л. 316].

При этом нужно отметить, что в нарушение инструкций архимандрит Вениамин с сотоварищами часто принуждал угрозами к отказу от язычества и даже «самоедских идолов миссия предавала огню и на их место водворяла кресты “при пении Да воскреснет Бог”» [22, л. 50], что вызывало у ненцев негативную реакцию.

Видимо, под влиянием этих фактов уже спустя 10 лет в Уставе об управлении самоедами от 18 апреля 1835 г. прямо указывалось, что «самоеды, не исповедующие христианской веры, имеют свободу отправлять молитвы по их обрядам и обычаям. Православное духовенство в обращении самоедов имеет поступать по правилам кротким, ограничиваясь одними убеждениями, без малейших принуждений. Земское начальство обязано не допускать стеснения самоедов под предлогом обращения в христианскую веру» [23].

И все же пусть постепенно, но процесс христианизации происходил. Для принявших православие коренных народов возводились церкви, строились школы и фельдшерские пункты. Можно сказать, что в становищах и поселках именно эти три типа учреждений культуры и здравоохранения становились центрами, точками притяжения всей жизни.

Характерная черта для всех рассматриваемых народов, вне зависимости от момента начала христианизации — это формирование двоеверия. На бытовом уровне традиционные верования и представления сохранялись, а зачастую и доминировали над христианством. Особенно у отдаленных народов, ведущих кочевой образ жизни или попросту проживающих вдали от цивилизации (например, у охотников коми).

На так называемом «Обском севере» успехи христианизации выглядели достаточно сомнительными. Даже при наличии церквей были повсеместно распространены традиционные культы зооморфных и антропоморфных духов-предков и духов-покровителей. Та же присяга на кресте не воспринималась местными в качестве значимой — в отличие от традиционной присяги на лапе медведя [19, с. 196]. Для понимания значимости последнего: произнесенные под присягой слова считались правдой, служили поводом для вынесения наказания или для оправдания в ходе судебных тяжб.

В середине XIX в. один из очевидцев отмечал достаточно поверхностное представление ненцев о сути христианской веры: «Вон ихний батюшка, пожалуй, рассказывает, что на Колгуеве двадцать семей окрестил, а что проку? Окрестить самоеда легко, известно. В церковь они не заглядывают, а и пригонят которого: на пол ляжет; детей крестят молочников: а гляди, лет в десять, а то и позднее; жену берут зря что полюбовницу, и никаких таких обрядов при этом не делают. Заплатит жених за нее, что спросит отец, оленями ли, песцами ли, али-бо деньгами, да и живет, Бога не ведая. И возьмет он одну жену, тем не довольствуется: гляди другую присмотрел и ту к себе тянет» [7, с. 251].

Даже в конце XIX — начале XX в. этнографы, посещавшие коренные народы Севера и Сибири, отмечали поверхностный характер проникновения христианства [9, с. 15]. Например, младенцев крестили, чтобы не получить выговор от начальства. Венчались и крестились, чтобы в приходских книгах появлялись соответствующие отметки. Знания о традиционных божествах были обширнее, чем о христианских догматах. Традиционным богам нередко продолжали приноситься жертвы. По сведениям различных путеше-

ственников, туристов, ученых, посещавших Новую Землю, религиозные представления ненцев еще долгое время представляли собой синтез христианского учения и языческих верований, несмотря на все усилия православных священников. Интересный эпизод о том, как вера в Христа побеждала родоплеменные культы, описывает Б. Житков: «Один самоед в день Пасхи пришел в дом причта, чтобы достать у иеромонаха водки. Тот дверь ему не открыл. Тогда самоед достал своего идола... и с ним вместе трижды обошел вокруг дома. Когда же и после этого дверь не была открыта, самоед, рассердившись на идола, прибил его» [5, с. 132].

Таким образом, в целом меры по христианизации в рассматриваемый период едва ли можно считать достаточными для обращения всего населения в православную веру. На Севере оставались сильны местные верования. Даже при де-юре принятом православии сохранялись жертвоприношения, культ предков, вес имела присяга по традициям предков, а не по христианским нормам.

В то же время отметим, что государство именно в церкви видело проводника своих интересов на Севере посредством просветительской деятельности среди «инородцев». Опасаясь утратить контроль над пограничными территориями в результате внешней экспансии и не имея сил и средств на усиление военного присутствия, российское правительство считало христианизацию «инородцев» задачей государственной важности и необходимым элементом «инородческой» политики.

Эта специфика особенно отчетливо проявилась в стремлении русских (российских) властей закрепить за собой территории Кольского полуострова и архипелага Новая Земля. Еще в XIII в. между Новгородской республикой и Швецией возник так называемый «лапландский спор», когда ни одна из сторон не могла определить, кому же должны платить дань кольские саамы. Результатом этой неопределенности стало «двоеданство» саамов. К концу XV в. назрел вопрос о закреплении своих прав на Кольский полуостров одной из сторон. И вот тогда одним из аргументов в пользу прав Московского царства стала принадлежность кольских лопарей к православной вере, так как ко времени проведения переговоров большинство саамов были крещены. Отметим, что аналогичную политику в отношении коренных жителей Кольского полуострова пытались проводить и наши соседи.

Другой, менее известный пример — христианизация новоземельских ненцев во второй половине XIX в., когда возникла реальная угроза утраты контроля над архипелагом Новая Земля в результате активной экспансии норвежцев. Тогда, в 1878 г., в становище Малые Кармакулы была построена часовня во имя Святителя и Чудотворца Николая. Спустя 10 лет, в 1888 г., на архипелаг доставили здание церкви. В 1889 г. на Новой Земле в том же становище по решению Святейшего Синода был основан православный скит, причисленный к Николо-Корельскому монастырю [2, с. 64].

При церкви в Малых Кармакулах находилась школа, снабженная всеми необходимыми классными принадлежностями и учебными пособиями. Занятия проводил иеромонах Иона, который жил на архипелаге с 1888 г. с двумя перерывами (уехал по состоянию здоровья в 1899 г.). Кроме того, в каждую навигацию на архипелаг постоянно приезжали духовные лица для совершения обрядов крещения, причастия и иных целей [2, с. 30].

Наряду с просветительской и религиозной деятельностью священники способствовали распространению русской культуры, что должно было способствовать переходу ненцев от кочевого к оседлому образу жизни, что также являлось неотъемлемой частью единого политического плана русского правительства в отношении архипелага.

Таким образом, за исключением ненцев, большая часть коренных малочисленных народов Европейского Севера в рассматриваемый период приняла православие. Каким образом это повлияло на их развитие, на интеграцию в российское государство?

Прежде всего, для целого ряда народов влияние православной церкви было связано с развитием собственной культуры. Например, под влиянием церкви менялась письменность рассматриваемых народов. Так, у коми в XIV—XVII вв. существовала уникальная система письменности — анбур. С XVIII в. начался переход на письменность, основанную на кириллице. В целом пример коми является одним из наиболее показательных с точки зрения культурного развития. Как ранее на Руси, так и здесь православие стало центром учености. Еще со времен Стефана Пермского удалось создать и укрепить в народе, занимавшемся преимущественно охотой, прослойку книжников, священников, распространявших православные идеи [13, с. 52].

Несмотря на отдельные конфликты между местным языческим населением и православными миссиями, масштабных военных столкновений не наблюдалось, как и большого кровопролития. Хотя часть языческих святынь и сносилась, некоторые из них сохранялись. Можно говорить о том, что отдавалось предпочтение постепенной христианизации. Зачастую это связано с тем, что государство в XVI—XVII вв. не было заинтересовано в тотальном крещении всех присоединяемых народов. В XIX в. при этом ставка делалась на христианизацию через образовательные учреждения, постепенное обращение все большей части народов в православие и постепенное искоренение былых традиций.

Отдельные «перегибы на местах» (например, когда после проповеди и попыток насильственного крещения миссионеры были вынуждены покинуть общину безрезультатно) объясняются следующим. Хотя центральные власти указывали на то, что обращение в христианскую веру должно быть обдуманым и добровольным, местные чиновники полагали иначе. В распространении православия и крещении населения они видели инструмент укрепления своего влияния [12, с. 38].

Важный тезис, встречаемый в ряде исследований, — невысокая значимость этнической принадлежности в Российской империи. Присоединяя новые территории, правительство всегда делало ставку на дворянство и духовенство. При этом и то и другое могло формироваться из местной среды. Ключевым условием, доказывающим верность царю, а затем императору, было принятие православия. Народам при переходе в православие предоставлялись льготы в государственных повинностях [24, с. 83], многие из них избавлялись от рекрутской повинности и т.д. Наконец, принятие православной веры было одним из ключевых условий для заключения браков между подданными Российской империи, принадлежавшими к разным конфессиям [17, с. 44].

Вероисповедание в Российской империи было тем фактором, который определял групповую принадлежность гораздо глубже, чем национальность и даже язык. Конфессиональная принадлежность носила наследственный характер. И в законодательстве «страх Божий» нередко рассматривался в качестве «необходимого условия законопослушного и нравственного поведения верующих» [3, с. 11]. Монарх в такой системе выступал верховным защитником всего населения, принадлежавшего к православной вере, получал дополнительную религиозную легитимность своего правления.

Основными критериями группового деления Российской империи вплоть до начала XX в. выступали сословность и конфессиональная принадлежность. При этом даже в XIX в. обязанности метрикации (регистрации гражданского состояния подданных) возлагались на священнослужителей [12, с. 30].

Наконец, принадлежность к православию и регулярное исполнение установленных обрядов служили показателем максимальной благонадежности подданного. Так, общим для всех подданных империи была обязанность исповеди и причастия. В каждом приходе имелись «мировые ведомости», где отмечали явившихся и неявившихся на исповедь. На последних в итоге доносили в консисторию, а оттуда информация передавалась граждан-

ским властям [25]. Понимание этого также сближало рассматриваемые народы с другими подданными империи.

Помимо обрядовых практик в рамках христианизации эти народы принимали также структуру и роль православной церкви в жизни подданных империи. Происходило выстраивание новой картины мира. Те народы, которые раньше приняли христианство, не рассматривали приход русских как завоевание. Христианизация — это «почва для безболезненного вхождения народов в Русское государство» [24, с. 78].

Можно говорить и об обратном влиянии традиционных верований коренных народов Севера на мировоззрение прибывавшего в регион русского населения. Как показали этнологические исследования, языческие верования наиболее активно проявляют себя в контактных зонах различных народов, например, русских и коми, коми и ненцев, ненцев и русских. У них появляются схожие мифы, потенциально основанные на одних и тех же происшествиях, но имеющих разную интерпретацию. Например, в работе Д. Д. Петрова приводится случай с заблудившимся в лесу человеком, который в фольклоре коми интерпретируется как действие Шувгоя, а в русском — Лешего. «Взаимодействие разноэтничных комплексов поверий является весьма значимым фактором их взаимного обогащения, а также стимулом дальнейшего народного мифотворчества» [19, с. 195].

Т. А. Кильдяшова полагает, что на уровне бытового взаимодействия между русскими и коренными народами Севера, а также между самими коренными народами Севера в итоге сформировалась атмосфера веротерпимости и невмешательства. Религиозные таинства каждого из народов воспринимались с должным почтением, но при этом важное внимание уделялось хотя бы формальному крещению и, следовательно, принадлежности к православию [7, с. 244].

Заключение

В целом можно сделать вывод о том, что в христианизации рассматриваемых народов прослеживаются определенные характерные черты. Если христианизация проводилась до XIV в. (карелы, вепсы), то она носила преимущественно массовый характер. Христианские догматы усваивались быстро. Если христианизация осуществлялась позднее, то встречала все больше сопротивления со стороны местного населения. При этом в XIV—XVI вв. (а зачастую и позднее) христианизация проводилась в рамках частных инициатив, а не за счет совместных усилий церкви и государства. Лишь с XVII в. для христианизации местного населения государство и церковь все активнее действовали совместно.

В ряде исследований и источников, связанных с процессом христианизации рассматриваемых народов, указывается, что говорить о полной христианизации многих из них даже в конце XIX и начале XX столетия проблематично. Сохранялось множество элементов традиционных верований, часть из которых наслаивалась на православие. Однако, как показывает проведенный анализ, даже у большинства русских подданных в XIX в. сохранялись языческие элементы, как внедренные в православную веру, так и существовавшие в быту. Потому логично говорить о христианизации как о процессе, который постепенно вытеснял традиционную культуру по причине все лучшего понимания основ и догм православия, а также ввиду того, что знания о прежних культурах забывались.

В целом можно утверждать: христианизация заканчивается, когда большинство представителей этнической группы самоопределяют себя как христиан. И подобное понимание вполне соответствует тому отношению к христианизации, которое было закреплено на законодательном уровне. Государству куда важнее было предоставить православной церкви дополнительные возможности ведения миссионерской деятельности и ограничить распространение других религий, чем заставлять подданных дословно следовать учению.

Православие (конфессиональная принадлежность к нему) в Российской империи было ключевым инструментом для отнесения человека к определенной группе (наравне с сословной принадлежностью). Потому по мере обращения в православие коренные народы Севера включались в обширную группу православных подданных императора. Интегрировались они и во многих других аспектах. На представителей церкви возлагалось решение не только вопросов веры, но и ряда хозяйственных вопросов. Например, заключение браков, распространение грамотности, а в XIX в. — даже распространение общих знаний о сельском хозяйстве и медицине. Потому христианизация рассматриваемых народов способствовала их приобщению к тому уровню знаний, который был доступен большинству подданных империи. Наконец, снижалась и вероятность межэтнических конфликтов.

Список источников

1. Антонов И. Ю. Социальные нормы народов Крайнего Севера. Обряд очищения в жизни ненцев в условиях догосударственного общества // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 3. С. 113—115.
2. Беляев Д. П. Архипелаги акватории Баренцева моря: история освоения и изучения (вторая половина XIX — первая треть XX в.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Мурман. гос. пед. ун-т. Мурманск : МГПУ, 2010. 163 с.
3. Бендин А. Ю. Государственно-религиозные институты Российской империи в XVIII — начале XX в.: эволюция отношений «свой — иной — чужой» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2021. Т. 20, № 1. С. 8—31. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-1-8-31.
4. Ведерникова О. В. Осмысление христианизации в коми фольклоре // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры : [сб. статей] : в 2 т. / отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар, 1996. Т. 2. С. 37—42.
5. Житков Б., Бутурлин С. По северу России. Отчет Императорскому Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии по командировке летом 1901 года в Архангельскую губернию и на острова Колгуев и Новая Земля. М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1901. 178 с.
6. Заозерский Д. С. Хозяйственное освоение островов Баренцева моря в XIX — начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2021. 251 с.
7. Кильдяшова Т. А., Паршева Е. М., Сибирцева Ю. А. Миссионерская и просветительская деятельность на Европейском Севере России в XIX — начале XX века: традиции веротерпимости // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11, № 1А. С. 243—258. DOI: 10.34670/AR.2022.63.93.027.
8. Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 1. М. : Мысль, 1987. 430 с.
9. Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII — начало XX в.). М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. 220 с.
10. Котлова Е. С. Христианизация как элемент этнической интеграции саамов на Кольском полуострове (по материалам архангельских епархиальных ведомостей) // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2011. № 6 (49). С. 28—31.
11. Кристоман Б. Б. История научно-промыслового освоения Европейского Севера в контексте политических интересов Российской империи в XIX — начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2003. 27 с.
12. Леонтьева О. Б. Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8-2. С. 27—46.
13. Лимеров П. Ф. Религиозность народа коми: к вопросу о границах религиозного фонда // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 4. С. 50—56.
14. Любичанковский С. В. Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, вып. 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/>. DOI: 10.18254/S207987840006065-0.
15. Любичанковский С. В. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи). Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2019. 480 с.
16. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : в 2 т. Т. 1. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 587 с.

17. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : в 2 т. Т. 2. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 578 с.
18. Орехова Е. А. Колонисты Мурмана в документах евангелическо-лютеранского прихода Мурманского берега // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 96—108. DOI: 10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.007.
19. Петров Д. Д. Элементы язычества и взаимодействие народных традиций (по материалам Лешуконского и Пинежского районов Архангельской обл. и Удорского р-на Республики Коми) // ЭО-Online. 2013. № 1. С. 193—204.
20. Плоцкая О. А. Формирование и трансформация обычно-правовой системы пермских народов (XIV — начало XX в.) // Вестник. Государство и право. 2015. № 20. С. 86—94.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 62. Д. 76.
22. РГИА. Ф. 796. Оп. 105. Д. 439.
23. Свод законов Российской империи. Т. 9. СПб. : [Б. и.], 1876. [6], 312, 84 с.
24. Семенов Ю. В. Первые этапы христианизации восточно-финских народов (доимперский период) // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 76—85.
25. Филатова Ю. В. Взаимоотношения церкви и государства в период оформления абсолютизма. URL: <https://museum-sarov.nnov.muzkult.ru/vzaimootnosheniya-cerkvi/> (дата обращения: 25.03.2024).
26. Харузин Н. Н. Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). М. : Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. 472 с.

References

1. Antonov I. Yu. Sotsial'nye normy narodov Krainego Severa. Obryad ochishcheniya v zhizni nentsev v usloviyakh dogosudarstvennogo obshchestva [Social norms of the peoples of the Far North. The ritual of purification in the life of the Nenets in the conditions of pre-state society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 3, p. 113—115. (In Russian)
2. Belyaev D. P. *Arkipelagi akvatorii Barentseva morya: istoriya osvoeniya i izucheniya (vtoraya polovina XIX — pervaya tret' XX v.)* [Archipelagos of the Barents Sea: history of development and study (second half of the 19th — first third of the 20th century)]. Murmansk, MGPU Publ., 2010. 163 p. (In Russian)
3. Bendin A. Yu. Gosudarstvenno-religioznye instituty Rossiiskoi imperii v XVIII — nachale XX v.: evolyutsiya otnoshenii “svoi — inoi — chuzhoi” [Russian Empire’s Religious Institutions in the 18th — Early 20th Century: The Evolution of “Friend — Alien — Foe” Relations]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii — RUDN Journal of Russian History*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 8—31. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-1-8-31. (In Russian)
4. Vedernikova O. V. Osmyslenie khristianizatsii v komi fol'klore [Understanding Christianization in Komi folklore]. *Khristianizatsiya Komi kraya i ee rol' v razviti gosudarstvennosti i kul'tury: (sb. statei): v 2 t. [Christianization of the Komi Region and its role in the development of statehood and culture: (collect. of articles). In 2 vol.]*. Syktyvkar, 1996, vol. 2, pp. 37—42. (In Russian)
5. Zhitkov B., Buturlin S. *Po severu Rossii. Otchet Imperatorskomu Obshchestvu lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii po komandirovke letom 1901 goda v Arkhangel'skuyu guberniyu i na ostrova Kolguev i Novaya Zemlya* [Across the North of Russia. Report to the Imperial Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography on a mission in the summer of 1901 to the Arkhangelsk province and the islands of Kolguev and Novaya Zemlya]. Moscow, Tip. A. I. Mamontova Publ., 1901. 178 p. (In Russian)
6. Zaozerskii D. S. *Khozyaistvennoe osvoenie ostrovov Barentseva morya v XIX — nachale XX v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Economic development of the Barents Sea islands in the 19th — early 20th centuries. Cand. Dis.]. Samara, 2021. 251 p. (In Russian)
7. Kil'dyashova T. A., Parsheva E. M., Sibirtseva Yu. A. Missionerskaya i prosvetitel'skaya deyatelnost' na Evropeiskom Severe Rossii v XIX — nachale XX veka: traditsii veroterpimosti [Missionary and educational activities in the European North of Russia in the 19th and early 20th centuries: the traditions of religious toleration]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke — Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 2022, vol. 11, no. 1A, pp. 243—258. DOI: 10.34670/AR.2022.63.93.027. (In Russian)
8. Klyuchevskii V. O. *Kurs russkoi istorii. T. I* [Course of Russian history. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1987. 430 p. (In Russian)
9. Konev A. Yu. *Korennye narody Severo-Zapadnoi Sibiri v administrativnoi sisteme Rossiiskoi imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [Indigenous peoples of North-West Siberia in the administrative system of the Russian Empire (XVIII — early XX centuries)]. Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN Publ., 1995. 220 p. (In Russian)

10. Kotlova E. S. Khristianizatsiya kak element etnicheskoi integratsii saamov na Kol'skom poluostrove (po materialam arkhangel'skikh eparkhial'nykh vedomostei) [Christianization as an element of ethnic integration of the Sami on the Kola Peninsula (based on materials from the Arkhangelsk diocesan news)]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya — Almanac of Modern Science and Education*, Tambov, Gramota Publ., 2011, no. 6 (49), pp. 28—31. (In Russian)
11. Kristoman B. B. *Istoriya nauchno-promyslovogo osvoeniya Evropeiskogo Severa v kontekste politicheskikh interesov Rossiiskoi imperii v XIX — nachale XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [History of scientific and industrial development of the European North in the context of the political interests of the Russian Empire in the 19th — early 20th centuries. Abstr. Cand. Dis.]. Arkhangelsk, 2003. 27 p. (In Russian)
12. Leont'eva O. B. Natsional'naya i konfessional'naya politika Rossiiskoi imperii v sovremennoi istoriografii [National and confessional policy of the Russian Empire in contemporary historiography]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta — Vestnik of Samara State University*, 2012, no. 8-2, pp. 27—46. (In Russian)
13. Limerov P. F. Religioznost' naroda komi: k voprosu o granitsakh religioznogo fonda [Komi religious beliefs: to the issue of religious fund limits]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki — Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Ser. "Humanitarian and Social Sciences"*, 2009, no. 4, pp. 50—56. (In Russian)
14. Lyubichankovskii S. V. Akkul'turatsionnaya model' ponimaniya imperii kak metodologicheskaya al'ternativa kolonial'nomu podkhodu [Accultural Model of an Empire as a Methodological Alternative to the Colonial Approach]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya" — The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")*, 2019, vol. 10, iss. 8 (82). Available at: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/>. DOI: 10.18254/S207987840006065-0. (In Russian)
15. Lyubichankovskii S. V. *Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiiskoi imperii)* [Imperial policy of acculturation and the problem of colonialism (on the example of nomadic and semi-nomadic peoples of the Russian Empire)]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2019. 480 p. (In Russian)
16. Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.): v 2 t. T. 1* [Social history of Russia during the period of empire (XVIII — beginning of XX century). In 2 vol. Vol. 1]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 587 p. (In Russian)
17. Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.): v 2 t. T. 2* [Social history of Russia during the period of empire (XVIII — beginning of XX century). In 2 vol. Vol. 2]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 578 p. (In Russian)
18. Orekhova E. A. Kolonisty Murmana v dokumentakh evangelicheskoy lyuteranskoy prikhoda Murmanskogo berega [Colonists of Murman in the documents of the evangelical Lutheran parish of the Murmansk coast]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniya*, 2022, iss. 22, vol. 13, no. 2, pp. 96—108. DOI: 10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.007. (In Russian)
19. Petrov D. D. Elementy yazychestva i vzaimodeistvie narodnykh traditsii (po materialam Leshukonskogo i Pinezhskogo raionov Arkhangel'skoi obl. i Udorskogo r-na Respubliki Komi) [Elements of paganism and the interaction of folk traditions (based on materials from the Leshukonsky and Pinezhsky districts of the Arkhangelsk region and the Udorsky district of the Komi Republic)]. *EO-Online*, 2013, no. 1, pp. 193—204. (In Russian)
20. Plotskaya O. A. Formirovanie i transformatsiya obychno-pravovoi sistemy permskikh narodov (XIV — nachalo XX v.) [The formation and transformation of the customary legal system Permian peoples (XIV — early XX century)]. *Vestnik. Gosudarstvo i pravo — State and Law*, 2015, no. 20, pp. 86—94. (In Russian)
21. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 796. Op. 62. D. 76.
22. RGIA. F. 796. Op. 105. D. 439.
23. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. T. 9* [Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 9]. St. Petersburg, 1876. [6], 312, 84 p. (In Russian)
24. Semenov Yu. V. Pervye etapy khristianizatsii vostochno-finskikh narodov (doimperskii period) [First stages of the Christianization of the East-Finnish people (pre-empire period)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki — Bulletin of the Chuvash University*, 2009, no. 4, pp. 76—85. (In Russian)
25. Filatova Yu. V. *Vzaimootnosheniya tserkvi i gosudarstva v period oformleniya absolyutizma* [The relationship between church and state during the formation of absolutism]. Available at: <https://museum-sarov.nnov.muzkult.ru/vzaimootnosheniya-cerkvi/>. Accessed: 25.03.2024. (In Russian)
26. Kharuzin N. N. *Russkie lopari (Ocherki proshlogo i sovremennogo byta)* [Russian Lapps (Essays on the Past and Modern Life)]. Moscow, T-vo Skoropechatni A. A. Levenson Publ., 1890. 472 p. (In Russian)

Информация об авторе

Д. П. Беляев — кандидат исторических наук, доцент

Information about the author

D. P. Belyaev — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 03.07.2024; одобрена после рецензирования 22.07.2024;
принята к публикации 20.11.2024

The article was submitted 03.07.2024; approved after reviewing 22.07.2024;
accepted for publication 20.11.2024